

Второй (окружной) этап 7 класс

1. Узнайте жанр литературного произведения. Ответ запишите одним словом.

И вмиг... дитя, челнок, пловец незримы;
В руках его мертвец:
Эдвинов труп, холодный, недвижимый,
Тяжёлый, как свинец.
Утихло всё – и небеса и волны:
Исчез в водах Варвик;
Лишь слышали одни берега безмолвны
Убийцы страшный крик.

2. Представьте себе, что в некоторых литературных произведениях перепутались персонажи. Напишите небольшой диалог (10–20 реплик) между Томом Сойером из романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и Ванькой Жуковым из рассказа А.П. Чехова «Ванька». Герои диалога должны говорить по-русски.

При оценивании учитываются: знание текста, изобретательность, сохранение речевого своеобразия персонажей, понимание смысла художественного образа.

3. Укажите имя и фамилию зарубежного писателя.

По его историческим (не всегда достоверным) авантюрным и приключенческим романам сняты фильмы, созданы спектакли. Ему и его героям поставлены памятники. В названиях его романов часто встречаются числительные. Сын его также был писателем и носил то же имя.

4. Внимательно прочитайте тексты. Проанализируйте ОДИН ИЗ НИХ (выполните ЛИБО вариант 1, ЛИБО вариант 2) письменно.

Пишите связным текстом, внятно, красиво, свободно, выразительно. Объём вашего текста – не менее 2 страниц.

Вариант 1. Комплексный анализ стихотворного произведения.

Давид Самойлов (1920 – 1990)

* * *

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затёртых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясённый гений.
И ветер необыкновенный
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Вариант 2. Комплексный анализ прозаического произведения.

Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950)

ГУСЬ

Гуси, как это всем известно, спасли Рим и литературу. Стилос был забыт, стальное перо ещё не родилось. На помощь пришло тонко очиненное, упругое гусиное перо. Окунув свой белый носик в чёрные чернила, несколько веков кряду скрипело оно на пользу и на вред человеческой мысли, превращая чернильные капли в слова.

Жил-был бедный поэт. Ему не везло. Стоило ему написать оду вельможе – и не успевали строки его оды просохнуть, как вельможа попадал в опалу. Над одной песней о приходе весны он трудился так долго, с таким тщанием, что весна успела отцвести, лето прошло мимо и выпал снег. Переплёты всех альманахов захлопнулись для запоздалого шедевра.

Бедный поэт голодал. Он не просил милостыни, но ниспрашивал вдохновения у богов. И однажды оно пришло. Счастливцев схватил гусиное перо – последнее, какое у него осталось, – и ткнул им в чернилницу. Но движение его руки было столь стремительно, что перо – увы – сломалось. Вдохновение кратко, как раскат грома. Поэт бросился искать другого пера.

Как раз в это время за окном раздалось мерное «кра-кра». Поэт распахнул дверь: мимо крыльца шёл гусак со своей гусыней. Они медленно переставляли свои веерообразные пятки, направляясь к ближайшей луже. Поэт, сбегав со ступенек крыльца, схватил гуся левой рукой за шею, правая же его рука проворно выдернула длинное перо из крыла.

Поэт был немного смущён и оглядывался по сторонам – нет ли постороннего глаза? Он бормотал:

– Это для поэзии. Во имя святой поэзии.

Гусь жалобно загоготал – и, чуть пальцы на его шее разжались, бросился опрометью прочь.

Поэт вернулся к бумаге и чернилнице. Но, о горе, перо было жёстко и колюче, как клюв. Оно царапало и рвало бумагу, противясь наитию, ниспосланному небом.

Поэт, горя нетерпением, бросился вдогонку за гусём. Тот, завидев своего мучителя, попробовал было убежать. На помощь коротким тычкам ног он призвал взмахи крыльев, на которых некогда его предки умели летать. Но вместо полёта получались прыжки – и поэт, разъярённый вдохновением, нагнал-таки гуся. На этот раз, прежде чем выдернуть новое перо, он пробежал дрожащими пальцами по всему крылу глоссандо и только тогда выбрал и выдернул упругое, опушённое белой остью, не слишком мягкое и не слишком жёсткое перо. Гусь тихо, но протяжно замычал, а гусыня, бегавшая всё время вокруг, ткнула – раз, и ещё раз – поэта в левую щиколотку.

Но тот ничего не замечал. Прижав перо к груди, он вытирал пот со лба и слёзы восторга с глаз, повторяя:

– О, поэзия! О, божественная поэзия! Поэ... – и через минуту скрылся за дверью дома.

И гусь, и гусыня долго не могли успокоиться. Затем, придя в себя, оба отправились к луже. Вслед за сильными переживаниями всегда приходит аппетит.

Войдя в лужу, супруги долго макали свои жёлтые, тупые, как кочерыжки, клювы во вкусную, жирную, кишашую зёрнами и червячками жижу.

– Вот он, этот, кра, как его, всё говорил: поэзия-поэзия. А что такое, кра, поэзия?

– О, я это теперь хорошо знаю, – отвечал гусь, задрав голову вверх, чтобы зёрнам было легче скользить по пищеводу, – поэзия – это... гм...н-да... га-га... Это когда твоё же перо делает тебе больно.

И супруги снова принялись за еду.

1937